

В.В. Маяковский

Во весь голос

Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г...,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадил садик мило,
дочка,
дача,
водь
и гладь —
сама садик я садил,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их, к черту, разберет!

и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
        трудом
                громаду лет прорвет
и явится
        весомо,
                грубо,
                        зримо,
как в наши дни
        вошел водопровод,
сработанный
        еще рабами Рима.
В курганах книг,
        похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
        с уважением
                ощупывайте их,
как старое,
        но грозное оружие.
Я
        ухо
        словом
                не привык ласкать;
ушку девическому
                в завиточках волоска
с полупохабщины
                не разалеться тронуту.
Парадом развернув
        моих страниц войска,
я прохожу
        по строчечному фронту.
Стихи стоят
        свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
                и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
        к жерлу прижав жерло
нацеленных
        зияющих заглавий.
Оружия
        любимейшего
                род,
готовая
        рвануться в гике,
застыла
        кавалерия острот,

поднявши рифм
                отточенные пики.
И все
        поверх зубов вооруженные войска,

что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывается в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —

пускай нам
        общим памятником будет
построенный
        в боях
                социализм.

Потомки,
        словарей проверьте поплавки:
из Леты
        выплывут
                остатки слов таких,
как «проституция»,
                «туберкулез»,
                        «блокада».

Для вас,
        которые
                здоровы и ловки,
поэт
        вылизывал
                чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
        я становлюсь подобием
чудовищ
        ископаемо-хвостатых.

Товарищ жизнь,
        давай быстрее протопаем,
протопаем
        по пятилетке
                дней остаток.

Мне
        и рубля
                не накопили строчки,
краснодеревщики
                не слали мебель на дом.

И кроме
        свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
                мне ничего не надо.

Явившись
        в Це Ка Ка
                идущих
                        светлых лет,

над бандой
        поэтических
                рвачей и выжиг
я подыму,
        как большевистский партбилет,
все сто томов
        моих
                партийных книжек.

Декабрь 1929 — январь 1930